

СЦЕНА ЧУВАШИИ

21 СЕНТЯБРЯ 2011 ГОДА

КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ ЧУВАШИЯ»

Праски Витти: Мы выживем только на острие культуры

«Все мои работы про вас, – говорит он своим зрителям и соплеменникам, – это сюжеты нашего жизненного пути: молодость, свидания, расставания, страдания, ожидание счастья». И еще он не устает повторять, что народа, изображенного на его картинах и эмалях, уже нет. И лишь отблески этноса проглядывают в знаковые дни – национальные праздники или дни свадьбы. Тогда мужчины надевают вышитые рубашки, а женщины выходят в серебре.

В пятницу в Художественном музее открылась выставка народного художника Чувашии Виталия Петрова (Праски Витти), на которой представлено почти три сотни его работ разных лет.

Международные эксперты причислили его к сотне лучших эмалеров мира. Чувацкий же художник потерял счет международным выставкам и симпозиумам по эмали, которые проходили в американском Цинцинати, венгерском Кечкемете, немецком Бамберге, в Японии, Турции, Испании и во Франции. В свое время он окончил Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени Веры Мухоминой (теперь это Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица) и по примеру Сиджросса отправился творчески «преобразовывать» города. Уже четверть века Праски Витти живет и работает в родной Чувашии. Обозреватель «Сцены Ч» встретилась с ним накануне юбилейной выставки.

Читайте на 2-й странице.

Вчера, сегодня, завтра

■ В Чувашии завершились съемки документального фильма цикла «Тюрки России», которые в республике целую неделю проводила Межгосударственная телерадиокомпания «Мир». Будущий фильм будет рассказывать о древних традициях чувашей и людях, их сохранивших. Кульминацией картины будет показ национальных обрядов «Свадьба» и «Осеннее пиво» в исполнении народного фольклорного ансамбля «Уяв» и фольклорного ансамбля «Юрай» ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. Пятидесятиминутный фильм планируется транслировать в эфире МТРК «Мир», ТК «Моя планета» и других федеральных каналов.

■ В столице Марий Эл с 23 сентября будет проходить пленэр «Портрет города: Йошкар-Ола преобразенная –

жемчужина Поволжья». Участники постараются отразить уникальную архитектуру города и его культурный потенциал. Для наших соседей это беспрецедентная творческая акция с участием ведущих художников России: из Москвы, Нижнего Новгорода, Йошкар-Олы, Казани, Уфы, Самары, Саратова, Перми, Саранска, Ижевска и Чебоксар. Нашу республику представят Виктор Бритвин и Александр Федосеев. По условиям участия после итоговой выставки каждый художник передаст две свои работы в фонд Республиканского музея изобразительных искусств.

■ Первый сезон в балетные оперы и балеты стал дебютным для новых солистов Ольги Прытковой, Надежды Двуреченской и Станислава Культина. Правда, в главной партии выступила

лишь одна из «новеньких», а именно Ольга Прыткова, танцевавшая сложнейшую партию Одетты-Одиллии. Специалисты оценили ее дебют как «аккуратный». Станислав Культин стал участником па-де-труа, а Надежда Двуреченская пополнила пока состав больших лебедей.

■ Коллекция художественной

фотографии ЧГХМ пополнилась 113 работами чебоксарского фотохудожника Валерия Багильдинского. Это черно-белые фотографии ручной выделки, выполненные в Чебоксарах, Мариинском Посаде и Криушах. Валерий Багильдинский – фотограф уникальный. Его серия о жителях деревни Криуши – лик метафизической фотографии Чебоксар. Как пишет о нем куратор проекта «Чебоксары как феномен фотографии Чебоксарского бытия» Юрий Евлампьев, «он прошел путь от человека, который никогда не держал в руках фотоаппарат, до мастера, рока его индивидуальный фотографический мир стал реальностью». До этого момента в фондах музея имелось почти четыре десятка его работ, которые музей принял в дар двенадцать лет назад.

Премьера! Сон в ночь бабьего лета

Сегодня в Русском драматическом театре премьерой спектакля «Сон в летнюю ночь» открывается новый сезон. Шекспировская пьеса о магии любви, несмотря на кажущуюся легкость, – всегда рискованный соблазн для театров. Уильям наш Шекспир так все запутал в этой комедии, что предполагаются любые вольности. ▶▶2

Сон в ночь бабьего лета

Р. Кириллова.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

В эту ловушку многие обычно и попадают, улетая то в сонное декларирование, то в хаос всяких шуток-прибауток на грани корпоративных вечеринок. В Русской драме любовный спектр от ленивой неги до бурного помешательства решили показать динамично и отчетливо.

Пять веков по поводу пьесы спорят, что есть этот сон золотой: рассказ о таинственном механизме, что управляет на-

шими страстями, намек на насмешки высших сил или просто волшебная сказка о необычной ночи, когда разгулялись духи и все перевернули с ног на голову. К тому же здесь есть и тема любви к театру — необъяснимая и безнадёжная как любое очарование выдумкой. Ясно одно, все эти любовные вихри продолжают носиться во всех слоях атмосферы, несмотря на неумолимые изменения в жизни человечества, и конца им не предвидится. Поэтому

время в этом спектакле условно, и старомодный эльф вполне волен порезвиться по поводу модного оболтуса.

В Русском театре на Шекспира заманиваются редко. Это второй случай за последние лет тридцать. Постановщик Владимир Крестин и художник София Мацони (Берлин) обходятся довольно скупыми средствами, чтобы выразить разыгравшуюся в одну из ночей феерию веселья и волшебства. Из ухищрений —

лишь стремительный монтаж мизансцен, из машинерии — луна, выкатывающаяся на рельсах. Но ведь театр начинается именно с наброшенного в плечи пледа, на глазах преображающегося в царскую мантию. Здесь своя игра у всех и вся. У царя духов Оберона и царицы Титании, ведущих вечный спор мужчины и женщины, что тут же сказывается на природе и человеческих делах. Проказников эльфов, в арсенале которых колдовские цветы и зелья, сбивающие с толку обывателей. Герцога Тессея и царицы амазонок Иполиты, уверенные, что вокруг них вертится мир. Молодых людей Лизандра и Деметрия, как взбесившиеся кони кидаются от одной девушки к другой. Наконец, у труппы актеров древнегреческого «народного» театра, репетирующей «Прежалостную комедию...», этого апофеоза бытовых и театральных нелепостей. И, кажется, только прекрасные Гермия и Елена не склонны играть чувствами, их любовь непоколебима, и высшие силы пасуют. Так что красота в очередной раз спасет мир от хаоса. Пусть этот хаос и был лишь сном в жаркую ночь.

Комедию разыгрывают Александр Шаповалов, Борис Кукин, Евгений Лезов, Лариса Былинкина, Наталья Лосева, Николай Горюнов, Дмитрий Фадеев, Александр Тырлов, Сергей Иовлев, Александр Смышляев, Александр Володин, Екатерина Малышева, Лариса Малышева, Леонид Казимир, Диана Яковлева. Танцевать героев учила Татьяна Голеницкая. Музыку к «Песне осла» и «Песне фей» написала Светлана Ткаленко. Музыкальным же рефреном режиссер выбрал самую популярную балладу во времена Шекспира «Зеленые рукава».

(Окончание.

Начало на 1-й стр.)

— Виталий Петрович, «Сцена Ч» поздравляет вас с юбилеем. Ваши выставки удается видеть нечасто, вот юбилей помог.

— Спасибо за поздравления! Насчет выставок могу сказать, что выставляюсь я очень много. В Чувашии — в основном на выставках Союза чувашских художников и Союза дизайнеров. В нынешнем году не смог, это правда. Зато был участником турецкой выставки.

— Почему именно Турция?
— Там есть организация под названием «TURKSOY». Это не политическая организация, а своеобразный взаимный договор министров культуры разных стран и республик. Туда входят все тюркские народы, кроме почему-то чувашей, что немного странно. Меня вызывают туда на творческие симпозиумы уже третий раз. Эта творческая лаборатория проходила в городе Ахлат. Двенадцать лет назад такая лаборатория работала в первой столице османов, в городе Бурса. Они хотели приглашать меня туда ежегодно, но я подумал, что надо привлечь и других чувашских художников. Передал эстафету коллегам. Но затем случился перерыв, нас просто перестали туда посылать. Хотя международные контакты очень нужны, без них мы начинаем задыхаться.

— Сколько ваших работ сейчас уже хранится в Турции?

— 27 работ. Когда мы приезжаем туда работать, то условия выдвигаются очень жесткие. Все, что ты нарисовал, они оставляют у себя. Более того, по договору отчуждается авторское право на эти работы.

— Какой тогда интерес там работ?

— Я активно работающий художник, но спрос на мои работы специфический. Бывают некое художники. Однако мне необходимо, чтобы мои работы все же где-то были. Поэтому с удовольствием оставляю работы в Венгрии, в Испании, в Турции. Как говорят турки: «Пока Турция будет существо-

Праски Витти: Мы выживем только на острие культуры

вать, ваши работы будут сохранены». Поэтому все, кто там бывает, говорят, что видели мои работы.

— А где они выставляются?

— Во-первых, у «TURKSOY» в его административном здании есть зал. Во-вторых, он ведет очень активную выставочную деятельность. Например, наши артисты были там, приехали, говорят: «О, мы видели выставку твоих работ в городе Конья!» В прошлом году мои знакомые были в Балу, тоже увидели работы. К тому же организация выставляет свою коллекцию по всему миру, у них была презентация в Брюсселе, в Евросоюзе. А в прошлом году даже в ООН. Кто из моих домашних, какой олигарх, директор завода, министерство может здесь это сделать? А там позаботились, чтобы мои работы выставлялись в Нью-Йорке, по всей Турции.

— То есть выступают своего рода кураторами?

— Да. В некотором смысле это покровительство над творчеством. Так же к художникам относятся и в Венгрии. Мои работы однажды даже привезли в Москву, в посольство, я увиделся, увидев их там.

— Эти работы тоже принадлежат Венгрии?

— У венгров более щадящие условия. Они сохраняют за художниками авторские права и просят только одну работу. Но бывает, что мы оставляем больше, в знак высокого уваже-

ния. И потом это же государственное собрание. И тоже активная выставочная деятельность. Венгры говорят: «Мы, как маленький народ, можем выжить только на острие культуры». Я считаю, что это можно сказать и применительно к нам. Поэтому очень важно

Я даю им свой эскиз. И они говорят мне: «Давай, валяй! Агу его, этого идеолога!» Я и расписал клуб. И все бы прошло нормально, если бы в Кунгур не приехали югославские кинематографисты, снимавшие места ссылки Иосифа Броз Тито. Кунгур — старый купеческий город с особой архитектурой, а им заодно почему-то решили показать и мою роспись.

иметь такие коллекции. Я здесь, в Чувашии, давно и тесно уговариваю поступать подобным образом. Известно, что со дня приобретения произведение никогда не дешевет, а только дорожает. Ни одного иного случая не зафиксировано. Это громадный даже чисто финансово и моральным богатстве в данном случае излишек и говорить. И, извините, этого они добиваются чуть ли не за полхлеба. Это я дома и объяснял.

— В наших музеях большая коллекция ваших работ?

— Около 50. Эмали, живопись. Думаю, это достаточное количество.

— Но выставочное «кровопращение» здесь замедленное?

— Не то слово! Я даже не слышал, чтобы коллекцию чувашских художников наши

организаторы просто захотели бы выставить, например, в Париже. Все это крайне не активно. Потому что нет ни опыта, ни категории мастерства или подготовки для таких функций. Все выставки считаются личным делом художника. Пусть, мол, выставится где угодно, если хочет.

— Вы много работали как монументалист, в том числе и в Чебоксарах. На выставке может будет увидеть эти работы?

— К сожалению, нет. Монументальное искусство я не выставил. Многие эскизы уже потеряли экспозиционный вид. Когда я только приехал в Чебоксары в 1986 году, то выставил 614 работ в знак благодарности, что я оказался дома. Это было фантастическое количество, ошарашившее многих.

— Вы тогда приехали из Тольятти, а до этого работали в Перми, где перевернули представления о современном искусстве, и не всем это пришлось по праву в советские времена.

— Мы приехали в Пермь из Ленинграда вторым, Шандор Зихерман, Глеб Вяткин и я. Там было много работы, и это было интересно. Преследования за свободу самовыражения как такового вроде не наблюдалось. Хотя в обком вызывали, было дело.

— И вас тоже?

— Это смешной случай. Я должен был расписать зал в городе Кунгуре. А надо было эскиз утвердить в идеологическом отделе города. Я вдохновенно изобразил на эскизе сви-

дание: расцветающих девушек, полсотых людей и прочие метаморфозы. Понятно, что идеолог сразу же мне сказал, что ему не нравится. А заказчиком был завод военной обуви. Это была прекрасная компания: директор — женщина-пенсионерка, парторг — женщина-пенсионерка и профорг — женщина-пенсионерка. И вот я даю им свой эскиз. И они говорят мне: «Давай, валяй! Агу его, этого идеолога!» Я и расписал. И все бы прошло нормально, если бы в Кунгур не приехали югославские кинематографисты, снимавшие места ссылки Иосифа Броз Тито. Тогда была еще социалистическая Югославия. Кунгур — старый купеческий город с особой архитектурой, а им почему-то заодно решили показать и мою роспись. И после этого стали таскать членов худсовета на разговоры к идеологу. Конечно, идеолог сильно разозлился. Наконец и меня вызывают. Сидим-сидим, ни слова о моей работе. А только разговоры вокруг да около. И вдруг он страшно поскуцнел, поник головой и говорит: «Плохо-оой народ художники. — Подумал, посмотрел на меня и добавил: — Но писатели еще хуже. Их читать надо».

— И тогда вы уехали в Тольятти.

— В Тольятти меня послал Союз художников для создания отделения СХ и худфонда. Включили в состав комиссии СХ СССР по монументальному оформлению молодого города. Когда я приехал, там не было ни одного художника, кроме одного пенсионера. Пришлось потратить 16 лет на создание художественных организаций. Там были все условия для работы художников: квартиры, машины, шикарные мастерские. Но как-то я включил раздала, а там чувашская педия раздала, и у меня из глаз брызнули слезы. Что-то со мной случилось. Нет, думаю, надо домой.

Беседовала
Р. КИРИЛЛОВА.